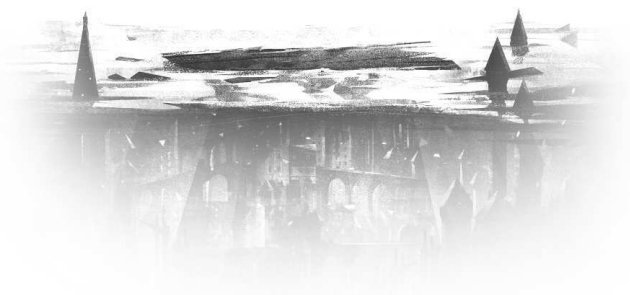

Читайте в серии:
ДЕТИ ПРИЛИВА

СТРУАН
МЮРЕЙ

ДЕТИ ПРИЛИВА

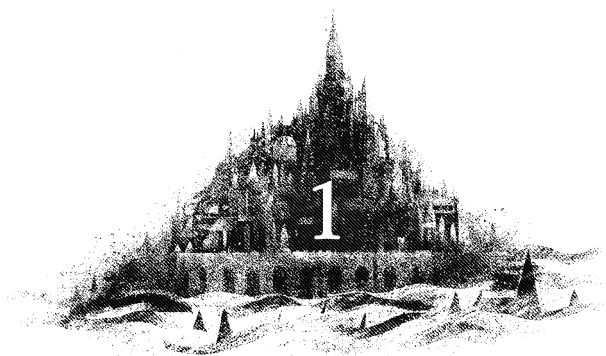
Москва
2022

НАБЕРЕЖНАЯ АГНЕЛУСА

ГОРОД

Его последняя песнь

Город был построен на пике, невообразимым образом взметнувшемся вверх из моря, и море не оставляло попыток отвоевать его. Поднимающийся прилив заглатывал нижние улицы Города. А отлив, откатывая, выплёвывал их обратно, оставляя, однако, свой след. Свежие моллюски лепились к подоконникам. Рыбы бились на каменных мостовых. Тем серым утром, когда море отступило, на крыше обнаружился кит.

Народ толпился вдоль мола и глазел на крышу ярусом ниже.

— Это дурное предзнаменование! — вскричал старый проповедник, клубы пара от его дыхания вились в воздухе.

— Ну, не Враг же это сделал, — фыркнул моряк. — Должно быть, его прибило туда приливом.

— Он мёртв, — сказал торговец. — Как полагаешь, сможем мы продать его мясникам?

Кит лежал на брюхе, протянувшись от одного конца крыши до противоположного. Он выбросился на часовню Св. Варфоломея, крыша которой во время отлива торчала над волнами. Четыре каменные горгульи стояли каждая на своём углу, и две из них хищно впились в кожу кита. Голодные чайки с криками носились над ним.

Толпа была настолько поглощена зрелищем, что никто не заметил появления девчонки. У неё были усталые глаза и спутанные и грязные русые волосы, взъерошенные после дурно и почти без сна проведённой ночи. Она перегнулась через парапет мола, закусив губу.

— Он такой большой, что не может находиться вне воды, — сказала она, обращаясь больше к себе самой, чем к кому-либо ещё. — У него разорвались лёгкие просто от лежания тут.

Крохотный мальчонка в ужасе посмотрел на неё круглыми глазами. Он теснее прижался к матери, с опаской поглядывая на девочку. Лицо у неё было бледное, на щеке три царапины, и от неё слегка воняло фейерверками. И, того хуже, она была одета, как мужчина, причём даже не добропорядочный. Она замоталась в истрёпанный красный шарф и утопала в бушлате с капюшоном, сшитом из потрёпанной материи и тюленьей кожи.

— К-кто ты? — спросил мальчонка, губы его подрагивали.

— Я Элли, — рассеянно отозвалась девочка, роясь в карманах. Она вытащила увеличитель-

ное стекло, затем луковицу и, наконец, перочинный ножик с острым как бритва лезвием. Мальчик взял мать за руку.

— Если в скором времени не взрезать кита, — сказала Элли, подняв нож, — он взорвётся.

Мальчишка начал плакать.

— Придержи язык, девчонка! — одёрнула её мать мальчика.

— Да нет же, правда, взорвётся! — сказала Элли, взмахнув руками. — Мёртвые киты начинают разлагаться изнутри. Внутри начнут скапливаться газы, а это опасно.

Мать отвернулась и закрыла рот ладонью.

— Знаю, знаю, — сказала Элли. — Кишки повсюду. А уж вонь будет такая, что мало не покажется! Хм, — прибавила она, уставившись на перочинный нож. — Не лучше ли, пожалуй...

Элли повернулась ко второй девочке, стоявшей позади неё. На беглый взгляд она была тех же лет — двенадцати или тринадцати, с копной выющихся рыжих волос. Огромный голубой шерстяной свитер, тяжёлые чёрные башмаки и скучающее выражение на лице.

— Анна, мне нужно, чтобы ты сбегала в мастерскую и принесла мою фленшерную лопату¹, — сказала Элли.

— Что такое фленшерная лопата? — позёывая, спросила Анна.

¹ Фленшерная лопата — резак для разделки китовых туш, действительно по форме напоминает лопату, насаженную на очень длинную рукоять.

— Острое лезвие на конце длинной жерди, — объяснила Элли. — Она висит на чердаке, за книжными шкафами, между телескопом и ружьём.

— У тебя есть ружьё? — с неожиданным интересом спросила Анна, подавшись вперёд. — А пули есть?

— Поспеши, будь добра! — прикрикнула Элли, и Анна, закатив глаза, поплелась вверх по улице.

Элли вскочила на мол, а затем спрыгнула с другой стороны. Когда, пролетев метра три, она приземлилась на крышу часовни, толпа ахнула.

— Что она вытворяет? — воскликнула женщина.

Элли пошла по крыше, вытянув для равновесия руки в стороны, словно канатоходец. Глаза кита были закрыты, веки испещрены морщинами и складками, как у старика. Девочка встала на колени и осторожно провела рукой по китовому боку. Шершавая кожа была усажена белыми балянусами¹ и изрезана перекрещивающимися шрамами.

— Что здесь происходит? — раздался голос сверху. Элли подняла глаза и увидела, как через толпу проталкивается парень из городской стражи, долговязый и лопоухий, в чёрном плаще поверх тёмно-синего кителя.

¹ Балянусы, или морские жёлуди — усоногие рачки, чья известковая раковина напоминает жёлудь.

— Там на крыше кит, — сказала какая-то женщина.

— И вон к нему девчонка спустилась, — добавила другая.

— Что? — воскликнул стражник, и тут он посмотрел вниз и увидел на крыше Элли. — Что... что она делает? — Он хлопнул себя ладонями по голове. — Осторожно, мисс! Этот кит вас слопает!

— Киты не едят людей, — со вздохом сказала Элли, но никто её не услышал. Все наперебой силились перекричать друг друга.

Массивное китовое тело под её рукой поднялось и опало, как будто в судорожном вздохе.

Он ещё жив!

Элли огляделась по сторонам, гадая, не удастся ли столкнуть кита обратно в воду. Корабль, пожалуй, мог бы стащить его с крыши, но только с наступлением прилива, а до него ещё несколько часов.

— Прости, — шепнула она. — Увы, я ничем не могу тебе помочь.

Но едва она заговорила, ей почудилось, будто из китового нутра доносится слабый звук. Толпа гомонила так, что невозможно было сказать наверняка.

— Отойди от него! — орал стражник, хотя сам спуститься вниз боялся.

— Думаю, тебе нужно её оттащить.

— Эй, кто-нибудь, позовите Инквизицию!

— Пожалуйста, я пытаюсь слушать, — сказала Элли.

— Проповедник говорил, что киты дышат пламенем.

— Пожалуйста! — завопила Элли, но никто не обратил на её слова никакого внимания. Она вытащила из кармана какое-то устройство размером с монетку, завёрнутое в пожелтевшую бумагу. Резким движением кисти она шваркнула его об мол. Раздался треск, грянула вспышка, и дебош отчаянно голосящих чаек разлетелся. Толпа отшатнулась, прикрывая глаза руками и смолкнув в ошеломлении.

Элли воздела руку.

— Слушайте, — сказала она.

И все прислушались.

И в тишине они услышали накатывающий звук.

Это был кит.

Кит пел.

Звук вздымался и опадал монотонными и мелодичными раскатами, резонирующими из самого нутра животного. Элли доводилось слышать, как поют киты, но только не над водой. Она полагала, что это какой-то элемент брачных игр, но вот перед ней лежал умирающий кит и пел, невозможно даже представить кому.

Все слушали с благоговением, минута за долгой минутой.

А затем кит открыл один глаз.

— Невероятно, — прошептала Элли. Глаз был тёмно-синий, как холодное море. Он смотрел прямо на неё — в этом девочка могла поклясть-

ся, — и она забыла обо всём, кроме его взгляда и этой песни. В эти несколько дивных мгновений глубокая нутряная боль будто бы отпустила её.

Песня делалась всё тише, словно уплывая за горизонт. Глаз закрылся. Хвост перестал шевелиться.

И всё смолкло, даже море.

— Я принесла! — торжествующе провозгласила Анна, прокладывая себе дорогу к молу, подняв высоко над головой фленшерную лопату. Народ повернулся и уставился на неё. — А что такого? — спросила она, протянув лопату Элли черенком вперёд.

— Что ты хочешь сделать? — выкрикнул стражник.

Элли указала на брюхо кита.

— Мне придётся взрезать его ближе к хвосту. Таким образом газы не будут накапливаться внутри туши.

Элли упёрла лезвие в одну из борозд, продольно пересекавших белое брюхо кита, и нажала. Кожа была крепкая и толстая, и скоро от усилия у неё выступил пот. Наконец лопата взрезала кожу, и Элли едва удержалась на ногах, когда лезвие погрузилось в мягкие внутренние органы. Зловонный запах поднимался из раны, и Элли задержала дыхание. Она провела фленшерной лопатой вверх и вниз, взрезая бок животного. Плоть разошлась, из отверстия вывалились пурпурные кишки.

— Ого, только погляди, сколько кровищи, — вскрикнула Анна. — Можно и мне попробовать?

— Пахнет ужасно, — сказала Элли. — Но если ты хочешь. Только...

Она осеклась.

— Анна, что такое? — спросила она.

Лицо Анны исказилось, глаза недоверчиво вытаращились.

— Спаси и помилуй, — пробормотал стражник, зажав рукой рот.

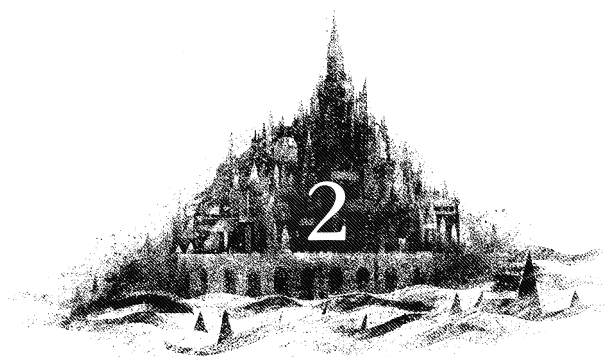
По толпе пробежал растерянный шёпот. Одна пожилая дама закричала. По неведомой причине Элли почувствовала, что не в силах шевельнуться.

Она закаменела. Фленшерная лопата выскользнула у неё из рук и упала. Она посмотрела вниз.

Что-то схватило её за щиколотку.

Костлявое, дрожащее, липкое от крови.

Рука, выскользнувшая из взрезанного кита.

Из чрева кита

Старик проповедник потряс в воздухе кулаками.

— Оный вернулся, — завизжал он и помчался вдоль мола к забирающим вверх улицам. — Враг вернулся!

— Ох, нет, ох, нет, ох, нет, — твердила женщина, сжав висящий на груди символ св. Селестины. Юноша без чувств упал на мостовую.

— П-пожалуйста, сохраняйте сп-покойствие, — заикаясь, распорядился стражник. — Нет причин паниковать!

Элли же была способна лишь на одно — тарачиться на руку.

Та вцепилась в её щиколотку леденяще холодной хваткой. Когда девочка отдёргнула ногу, ладонь тяжело хлопнула о черепицу, оставив на носке кровавый отпечаток. Элли сглотнула и встала на колени, чтобы рассмотреть ладонь

и руку, к которой она присоединялась. Ладонь шарила по крыше, словно ища, за что можно схватиться. Поджарая и жилистая рука уходила в тело кита и исчезала между мясистыми пурпурными органами.

— Эй!

Обернувшись, Элли увидела, что Анна перелезает через парапет мола.

— Стой! — закричал стражник, протискиваясь сквозь толпу по направлению к Анне. — Ну-ка вернись! — Он рванулся к ней и сумел схватить за шерстяной свитер.

Элли дотронулась до руки кончиком пальца. Она дёрнулась прочь, как пугливый зверёк. Элли сделала глубокий вдох, а затем схватила руку. На ощупь она была липкая и словно покрытая струпьями. Упёршись пятками в крышу, девочка потянула.

Рука перестала вырываться, пальцы её переплелись с пальцами девочки. Элли не хотела тянуть слишком сильно, опасаясь того, что человек может застрять, зацепившись за что-то внутри. Но предплечье появилось без труда.

Затем появилось плечо, тоже худое и окровавленное.

Затем спутанные чёрные волосы. Голова. Лицо. Мальчик, жадно ловящий ртом воздух.

Толпа слаженно вскрикнула. Анна вывернулась из рук стражника, спрыгнула с мола и сползла к Элли. Она изумлённо уставилась на мальчика.